ОСКОЛКИ ДУШИ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ДМИТРИЙ МАНЬКОВ

Действительно ли время лечит всё,
или порой нужно большее?»

Дмитрий Маньков

Осколки души

«Автор»
2026

Маньков Д. С.

Осколки души / Д. С. Маньков — «Автор», 2026

Несколько историй без единого волшебства — и в каждой есть то, что с людьми случается на самом деле: ожидание, потеря, выбор и время, которое лечит не всё. Здесь собака платит семье преданностью до последнего вздоха, девушка ждёт солдата, которого не дождётся, ребёнок не понимает, почему ушёл папа, неудачник впервые в жизни поступает по совести — и чуть не платит за это жизнью. Здесь человек живёт за стеклом, трещина в котором появляется только от честности. И всё это — осколки чьих-то душ. Никакой магии. Только обычные жизни — у которых болит так же, как у вас.

© Маньков Д. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие. 5
Время лечит. 6
Оставить насовсем. 8
Честно ждала. 11
Как нельзя кстати. 14
Уже не ждут. 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Дмитрий Маньков
Осколки души

Предисловие.

Ты знаком с ощущением, когда боль внутри такая, что кажется – вот-вот разорвет на части? Словно внутри уронили зеркало. Когда роняют зеркало, оно разбивается на сотни осколков. В этой книге таких осколков всего тринадцать. Несчастливое число, как и ситуации, с которыми пришлось столкнуться героям этих историй. Все осколки разные: одни острые, другие тупые, третьи — на вид совсем маленькие, но режут глубже всех. Собирать их бессмысленно — целым стекло уже не станет. А вот разглядывать можно долго. Особенно если поднести осколок к свету.

Здесь нет героев и злодеев — только люди. Те, кто ждёт и не дожидается. Кто выбирает и ошибается. Кто играет самого себя, пока не забудет, где маска, а где лицо. И те, кто однажды всё-таки говорит правду — глупую, неуместную, но свою.

Я не буду обещать вам, что станет легче. Обещаю другое: где-то на этих страницах вы встретите себя. Не целиком — человека на это не хватает, — но часть. Осколок. Своей войны, своей измены, своего страха, своей надежды. А когда встретите — вспомните, что осколки, в отличие от людей, всегда показывают правду. С той стороны, с которой на них посмотрели.

Время лечит. Но не всё. А то, что не лечит оно, — иногда лечит человек. Если однажды перестанет притворяться.

Читайте. Разглядывайте.

И берегите тех, кто рядом.

Время лечит.

Люди говорят, что время лечит…

Какой бы ни была твоя рана, как бы сильно она не болела, какой бы безысходной не казалась твоя жизнь – время лечит.

Если тебе изменили, время лечит.

Даже если тебя предали: время, все равно, лечит!

Оно всегда лечит.

Но не всё…

Кто объяснит любимому другу семьи, Шарику, что единственные и самые дорогие ему на всем белом свете люди ведут своего преданного стража в клинику, уже не собираясь возвращаться вместе обратно. «Он прыгнул на ребёнка!» - говорят они. «Он опасен!» - говорят они. «Его надо усыпить» - говорят они. А Шарик бежит весёлый, радостно хвостом машет. Шарик очень любит прогулки. Особенно, если его выгуливают всей семьёй. Вот как сейчас. Шарик счастлив!

Маленького Лёшку несут на руках – он сильно напуган. Лёшка никогда не ждал от Шарика чего-то подобного. Он не понимает, почему вдруг его лучший друг бросился на него. Лёшка больше не хочет играть рядом с собачьей будкой. Лёшка плачет всю дорогу и рассеянно косится на Шарика. Шарик весело гавкает, замечая его взгляд. Лёшка вздрагивает и отворачивается, пряча лицо в папино плечо. Слёзы страха, слёзы обиды, слёзы первого детского настоящего разочарования впитываются в рубашку отца. Лёшка еще крепче обхватывает папину шею. Ему обещали, что Шарик больше никогда не будет на него кидаться.

Отец Лёшки с грустью поглаживает сына и рассеянно косится на бегущего рядом пса: «Никогда ни на кого не бросался, не кусал. Всегда был дружелюбным и добрым – и вот тебе! Кинулся. Облаял. И как только укусить не успел?». Шарик ловит взгляд отца семейства, радуется, хвостом машет, тычется носом под колени, как обычно всегда это делает, когда хочет играть. Ну, ничего не выдает следов былой агрессии. Как всегда – дружелюбен. И, подумать только! Бросился! Еще и на ребёнка!

Наташа, Лёшкина сестрёнка, судорожно всхлипывает и начинает реветь. Шарика ей подарили на день рождения, когда только семь исполнилось. Наташа каждый день играла с ним по несколько часов к ряду, мыла его, причесывала. Подружкам всё время хвастала, какой у неё замечательный, умный, веселый и послушный пёс, как весело с ним гулять, играть в догонялки. Наташа сжала сильнее крохотные кулачки: «Шарик едва не ушиб Лёшку – он опасен!» - так папа сказал. «С ним нельзя больше играть. Его нужно усыпить. Это никак не вылечить. Раз уж бросился на ребенка – то всё. Гнилая порода». Наташа вздрогнула, почувствовав прикосновение к своей руке влажного носа. Такое осторожное, такое заботливое, такое знакомое…

По привычке, было, потянулась почесать за ухом, но опомнилась. Одёрнула руку.

Шарик издал протяжный звук разочарования. «С ними что-то происходит» - думал он, скача вокруг своей семьи. «Они словно грустят о чем-то. Только о чём?»

И только когда ветеринар взял его, Шарика, за ошейник, а Лёшкин папа присел рядом и прошептал: «Не обижайся…», он всё понял. Семья грустит о нём. О нём – Шарике! О своем лучшем друге и верном хранителе! Они же отдают его! Навсегда отдают! Он что, больше не увидит Лёшку? Не побегает с ним наперегонки? Отец никогда больше не поиграет с ним в мяч? Мама больше не поведет его вечером на прогулку? Никто не почешет ему за ушком, как умела делать только Наташа? А кого ему тогда защищать? Чей покой хранить? Как он без них? А как они без него? КАК!

Шарик даже сопротивляться не пытался – лишь смотрел на них с надеждой. Может, ждал чего-то? Ни Лёшка, ни Наташа – никто из них никогда не сможет забыть его последний взгляд. Обида? Нет! ТОСКА! Тоска, горе, безысходность, боль…

Столько всего было в этом взгляде. Казалось, не каждый человек способен так чувствовать. Столько эмоций и ни капли ненависти, ни крохи обиды или разочарования.

Потом Шарика увели.

Лёшка больше не заплакал – ни разу. Ни по дороге домой, ни после – вообще больше не плакал. И разговаривать не хотел. Отказывался. Наташа переживала сильней, но меньше. Но той очаровательной и жизнерадостной улыбки, которой она всем вокруг с легкостью поднимала настроение, больше никто так и не увидел. Ещё не скоро она вновь научится радоваться жизни так свободно и искренне.

Позже, вечером, отец семейства, вероятно решив не откладывать дело в долгий ящик, собрался убрать со двора будку. Ему и в голову не могло прийти, что ее вообще придется убирать. Да еще и так скоро. Внутри что-то предательски заныло. «Так надо» - успокаивал он себя мысленно, как и много раз до этого. Чтобы отвлечься, он поискал взглядом вокруг будки, на чем можно сосредоточить внимание. Нужно было себя как-то отвлечь. На глаза попался, лежащий рядом кусок кабеля. Весь в грязи, перебитый чем-то вроде лопаты с одного края, а с другого…

У отца семейства все похолодело внутри. Другим своим концом кабель тянулся прямиком к силовому щиту. Дрожащими руками он поднял кабель и, поплевав на палец, проверил, есть ли на нём напряжение.

Пугающая мысль еще не до конца сформировалась в голове, когда кабель выпал из его вмиг обмякших рук.

И ведь лежал прямо рядом с будкой. Рукой подать.

«Никогда ни на кого не кидался, никого не кусал, всегда был добрым и игривым, очень преданным и – вот тебе! Бросился, облаял, до слёз довел. И как только укусить не успел?»

Провод!

Под напряжением!

Прямо рядом с будкой!

Под напряжением…

Провод он, конечно, отключил. А вот будку убирать не стал. Даже убирал вокруг постоянно. На вопросы «Зачем?» просто неловко пожимал плечами. И никогда больше вслух об этом не говорил. Он вообще старался никогда не вспоминать тот мрачный день и свою глупость. Только как забыть тот полный боли и непонимания взгляд Шарика, который как умел, защищал детей от опасности, а заплатил за это своей жизнью.

«Шарик едва не ушиб Лёшку – он опасен!» - так папа сказал. «С ним нельзя больше играть. Его нужно усыпить. Это никак не вылечить. Раз уж бросился на ребенка – то всё. Гнилая порода»

Порой мы не способны простить даже самым близким людям поступки, которые понять не в силах. Даже если они делаются нам во благо…

Оставить насовсем.

В тот вечер папа пришёл домой поздно, как никогда. Лена уже ложилась спать, когда из коридора донеслось знакомое шарканье. Дверь её комнаты была приоткрыта, и Лена могла видеть всё, что происходит в прихожей. Мама не вышла встречать отца, как это бывало обычно, а тот, в свою очередь, что ещё более странно, даже не стал раздеваться. Непростой тогда выдался вечер, Лена до последнего момента не могла понять, что на самом деле происходит. Потом часто вспоминала...

Мама стояла у окна, стараясь не глядеть на отца. Он молчал. Лена понимала, что происходит что-то странное, но что именно... Так и стояли. И никто не решался заговорить первым. Наконец папа не выдержал.

— Что, так и отпустишь?

Мама вздрогнула, словно и не ожидала от него уже ничего услышать. Но не обернулась. И всё ещё молчала.

— Не думал, что так получится. — Он поискал глазами, куда сесть, и, облюбовав кресло, устало рухнул в него. Лена осторожно вышла из комнаты и незаметно встала прямо напротив двери, так, чтобы родителям её было почти не видно.

— Скажи это Ленке. — Неприязненно бросила мама. И такой холод был в её голосе, что Лена невольно поёжилась.

— Я по-прежнему остаюсь её отцом. — Он попытался ответить твёрдо, но предательской дрожи в голосе скрыть не сумел. Он даже не маму пытался успокоить, — поняла Лена в тот момент, — а больше себя...

— Лишь на четверть, Егор! Не больше! — На этот раз мама посмотрела на отца. Лена никогда ещё не видела её такой злой и серьёзной, эту всегда жизнерадостную и весёлую женщину. — Какой из тебя получится отец? О своём счастье-то ты подумал, а то, что дочь тебя любит без памяти, — забыл? Девочка каждый божий день дожидается тебя с работы, сидя чуть ли не у самих дверей! Все уши подружкам прожужжала про то, какой у неё замечательный и добрый папа! С бабушкой до слёз ругается, стоит той про тебя хоть слово не то сказать! И что в итоге? Где её любимый папа?

Отец молчал, утопив лицо в ладонях. Мама плакала, стоически, не проронив ни звука. А Лена наблюдала за всем этим широко раскрытыми глазами.

Её не покидало странное чувство, словно сейчас меняется вся её жизнь, что нужно что-то делать, но что — она не знала.

Отец долго сидел, не решаясь пошевелиться, пока не зазвонил его сотовый. Он сбросил вызов, выключил его и стал быстро собираться.

Лена смотрела, как медленно рушится её жизнь, и ничего не понимала.

Её родители никогда не ссорились, никогда надолго не расставались. Папа не ездил в командировки — мама говорила, что у неё, Лены, лучший в мире отец. И Лена в этом не сомневалась. А сейчас её самый лучший папа в первый и уже, наверное, последний раз собирает свои вещи. Зачем? А мама? Мама просто стоит и плачет! И совершенно ничего не собирается делать?! Мама всегда помогала папе в таких вещах. Но теперь... что-то не так.

Лена крепко-крепко прижала к себе небольшого плюшевого тигрёнка, которого ей папа принёс ещё в прошлом году (это была её любимая игрушка), и почувствовала, как на глазах наливаются слёзы. Хотелось кричать, реветь в голос, просить о помощи... Но кого? И как? Она всегда верила, что если когда-нибудь что-нибудь случится, всегда есть человек, который поможет, подскажет, выручит в трудную минуту. А когда всё закончится, ещё и успокоит, утешит. Мама говорила, что чтобы ни случилось — за помощью нужно идти к папе. Он поможет, он никогда не подведёт...

И он уходит. Теперь Лена это понимала.

В свои шесть с хвостиком она и слухом не слыхивала о том, что такое развод и как это, когда кто-то из родителей уходит. До этого дня. Она ещё не понимала, чего боится, но страх был. И с каждым мгновением этого томительного молчания он становился всё больше.

Лена не помнит, когда она настолько сильно испугалась, что бросилась прямо к нему, рыдая и повторяя раз за разом только одно слово: «Останься!». Не помнит, как вскрикнула мама, увидев её. Как отец бросил только что аккуратно сложенные вещи на пол и подхватил её на руки. Так же, как было раньше, но на этот раз...

Он прижимал её совсем как она недавно своего тигрёнка, крепко, словно в последний раз.

Мама отвернулась. Её плечи судорожно подрагивали. Папа что-то бормотал, но что — Лена не слышала — не слушала. Не хотела слышать. Она плакала.

— Оля, возьми Ленку. — Дрожащим голосом сказал он и подошёл к маме.

«Не хочу!» — хотелось ей крикнуть, но из горла рвался постыдный и неконтролируемый вой.

«Не хочу! Не надо!! Не уходи!!!»

Но он ушёл.

Только задержался на мгновение в дверях, услышав мамин тихий голос.

— Ты не боишься, что не сможешь... — она умолкла, встретившись с его взглядом, сглотнула застрявший в горле ком, но продолжила: — ...нас забыть?

Папа не ответил. Он закрыл глаза (только лишь на секунду, но эта секунда длилась для Лены целую вечность), вздохнул и ушёл. А Лена всё шептала про себя: «Пусть он вернётся. Пусть вернётся! Пусть!!!»

Дверь в прихожей хлопнула, и в этот миг Лена поняла, что не ей одной так плохо...

Мама отнесла дочку в её спальню, легла на кровать и только тогда позволила себе в голос разрыдаться.

Егор вышел из дома, прошёл несколько шагов и обернулся. В спальне всё так же горел свет. Он знал, что не стоило оборачиваться, но...

Эти последние слова Ольги...

«Ты не боишься, что не сможешь нас забыть?»

Сердце словно тисками сдавило.

«Боюсь. Очень боюсь».

Неимоверным усилием он заставил себя отвернуться и пошёл к машине. Каждый шаг от дома давался с огромным трудом. Руки не слушались, голова шла кругом. И было тяжело дышать, как никогда тяжело.

Перед глазами стояли лица самых родных ему в мире людей. Тех, кого он предательски в этот момент оставлял.

Мотор ровно гудел, а машина всё ещё не трогалась с места.

На какое-то мгновение Ольге показалось, что он передумает. Что бросит чемодан, обнимет её, успокаивая, и всё будет как прежде. Она скоро бы всё забыла, обязательно забыла. Ленка бы сразу успокоилась. Ещё немного — и обязательно передумает. Вот только задержится ещё на секунду и...

Егор отвёл печальный взгляд и ушёл.

В гробовой тишине прозвучали гулкие шаги из прихожей, потом входная дверь захлопнулась.

«Теперь всё» — сказала про себя Ольга, и сердце её оборвалось.

Она лежала на кровати и рыдала в голос. Все краски мира поблекли, все звуки вымерли. Осталась только она и горе.

Она не знает, сколько так пролежала, пока крохотная ручонка осторожно не коснулась её волос. В точности так, как это делала она сама порой, если дочка начинала плакать.

— Не плачь, мама! Он ведь не навсегда ушёл? Правда?

Ольга посмотрела на свою дочь, и горе на мгновение отступило.

— Нет, конечно. — Голос дрожал, но она заставляла себя произносить столь желанные слова. — Он вернётся. Он обязательно вернётся. Нужно будет только немножко подождать.

— Сколько, мама? Недолго?

— Совсем чуть-чуть, доченька, совсем чуть-чуть...

Лена вскоре уснула в маминых объятиях. А Ольга сидела с дочерью на руках и тихо плакала. Внезапно вспомнились знакомые слова одного неизвестного поэта: «... И что же теперь ей, бедняжке, осталось? Одной и уже не любимой никем...».

Наверное, ничего. Просто жить. Но как ей теперь без Егора, Ольга не представляла.

И тут раздался звонок.

Ольга осторожно положила Лену на кровать и на нетнущихся ногах пошла к двери.

Она почувствовала, что стало вдруг холодно. Неспокойный сон сразу отступил. Мамы рядом не было, и это напугало Лену. Обхватив руками колени, девочка сидела в полном одиночестве и ждала. В прихожей щёлкнул дверной замок.

Лена подхватила своего тигрёнка и прислушалась. Но больше не раздалось ни звука. В мёртвой тишине она вышла вслед за мамой и осторожно выглянула за порог.

Был уже поздний вечер. Наталья Ивановна выключила телевизор и принялась искать свой любимый пуховый платок. Ей не мешало бы позвонить соседке и предупредить о своём нежданном визите, но очень не хотелось лезть в записную книжку. Двери в тот дом для неё были всегда открыты.

Наталья Ивановна захлопнула дверь и обернулась. И застыла в изумлении.

Перед ней, прямо на лестничной площадке, стоял сосед из квартиры напротив. У его ног валялся массивных размеров чемодан, а на шее в буквальном смысле повисла молодая жена. По щекам её ручьями текли слёзы. Не успела она сказать им что-нибудь поучительное, как из квартиры выбежала маленькая Леночка.

— Папа! — закричала она. — Папка вернулся!

Отец подхватил дочку и принялся её целовать. Наталья Ивановна улыбнулась.

— Уезжал куда, Егор? А я и не заметила. Долго тебя не было?

Егор повернулся и задумчиво произнёс:

— Казалось, целую вечность...

«Хорошая семья, — подумала Наталья Ивановна, когда за молодыми закрылась дверь, — дружная. Никогда в такой семье не будет разладу».

И пошла к соседке.

Честно ждала.

Он просил: «Поехали со мной». Тогда эта затея казалась глупой и необдуманной. Тогда в моей жизни было всё просто и прекрасно. А тут годы в каких-то военных частях. Вокруг одни грязные и вонючие солдаты, хамство, ругань, долгие бессонные ночи в ожидании мужа… я не хотела себе такой жизни. Я любила романтику, рестораны, вечерние прогулки в парке. Походы в кино, неожиданные встречи и, главное, свободу. Я должна была быть всегда уверена в том, что в любой момент могу отказаться, вернуться к привычной жизни, подружкам. Я не терпела неопределённости.

А он был таким же, как все. В меру воспитан, в меру развращён. Чуть более удачлив и немножко более весёлый. Я даже и не знаю, почему когда-то выбрала именно его. Не сказать, что не за что было такого любить, но вокруг великое множество подобных парней. Вот и подумала: чего я буду себе жизнь ломать? Молодость кратковременна, и тратить её на бессмысленные скитания — просто расточительство. Я отказалась. Отказалась, не задумываясь ни на секунду. И, конечно, была довольна своим выбором. Какое-то время…

Дни летели, за ними месяцы. А у меня в голове только и вертелись его последние слова: «Я, ведь, могу и не вернуться…».

В последнем письме он написал, что срок службы должен закончиться через три месяца. Вообще письма от него были редкостью, наверное, думал, что и не жду уже давно. А я ждала. Ждала его возвращения, начиная с самого первого мига, после того как за ним закрылась дверь. Словно часть меня в тот момент ушла. Чтобы вернуться снова, когда разлука уже будет позади. Ждала, никому об этом не рассказывая. Не спала ночами, считая минуты, и ждала. Так, наверное, ждали жёны ушедших на войну.

В тот день, когда он должен был приехать, я не находила себе места с самого утра. Мне казалось, что я слышу каждый шорох на лестничной площадке. Как только в квартире раздавался звонок, я уже открывала дверь или снимала трубку телефона. Чтобы первой встретить, увидеть, услышать. Но раз за разом это был кто-то другой. Как назло, день выдался неспокойный. От нежданных гостей отбою не было. Но я с упорством ненормальной не успокаивалась.

В итоге к вечеру я настолько вымоталась, что не было сил больше не только на постоянные рейды к двери или к телефону, но и просто подняться с кровати.

Когда раздался очередной звонок, мама лишь коротко бросила: «Лежи», — и пошла открывать. К тому времени мне настолько надоели эти беспрерывные визиты, что я уже и не надеялась...

И тут слышу из прихожей мамин голос:

— Катя, к тебе!

Усталость как рукой сняло.

Я летела к двери, с каждой секундой осознавая, что с этого момента вся моя жизнь приобретает смысл. И эти бесконечные годы ожидания наконец начинают оправдываться.

Я так радовалась, что когда добежала до двери, по щекам уже ручьями текли слёзы.

Я даже не сразу сообразила, что это не он.

«Это не он? Но как же? Ведь сегодня... он писал, что приедет. Но... как же? Что же это?»

Я смотрела на незнакомого молодого человека в военной форме и ничего не могла понять. Меня он однозначно не знал, но... тогда зачем же он пришёл? Незнакомый солдат молча стоял в дверях и, словно, пытался себя заставить что-то сделать. Но у него ничего не получалось.

Наконец, мне удалось взять себя в руки и спросить:

— Вы к кому?

Военный прокашлялся и, вытянувшись, протянул мне какую-то скомканную бумажку. Я взяла листок и взглянула на него. Это была простая записка. Ни адресата, ни отправителя. Сплошной голый текст.

— Меня просили передать. — Буркнул он и вышел за дверь.

На лестничной площадке послышались торопливые шаги.

А я, прикусив губу, смотрела на записку.

Когда я писал это послание, то надеялся, что тебе не придётся его читать. Солдаты пишут такие перед каждым опасным заданием. Потому что может так случиться, что больше не представится возможность что-то написать. Знай, девочка моя, что я тебя очень люблю. И больше всего на свете хочу к тебе вернуться. Но... видно, не судьба. Не расстраивайся. В жизни будет ещё много светлых моментов, и ты поймёшь, что так оно было суждено. Если ты читаешь это послание, то уже ничего исправить нельзя. Знай, что в свои последние минуты я вспоминаю наши самые лучшие мгновения. Я всегда буду любить тебя, и когда-нибудь мы встретимся...

По мере того, как я читала это послание, ноги начали подкашиваться, и дышать становилось всё труднее. В глазах потемнело, и сознание начало меня медленно оставлять.

Открыв глаза, я увидела маму. Она сидела на краю кровати и растерянно смотрела на меня. Но я не думала ни о ней, ни о том, что родители могли подумать, найдя бесчувственную дочь в прихожей на полу. Перед глазами расплывались строчки этого проклятого послания. Я помнила всё до последнего слова и понимала – это конец...

— Что случилось, Катя? — спросила мама, когда увидела, что я очнулась.

Но я, не говоря ни слова, встала с кровати и пошла в ванную. Мама проводила меня растерянным взглядом, но больше ничего не сказала. Она ещё не понимала, что, скорее всего, видит свою дочь в последний раз.

Я больше не хотела жить. Это было уже не нужно. Не нужно без него. И почему я, дура, не согласилась тогда уехать? Всё было бы не так теперь...

Мы бы жили в какой-нибудь комнатушке, растили и воспитывали детей и были бы счастливы. Ведь были бы! Я это точно знаю!

А что теперь? Теперь я осталась одна. И всё благодаря своей глупости. Своей же глупости!!!

Я закрыла за собой дверь и взяла в руки новую ещё упаковку снотворного...

Первое, что я услышала, когда пришла в себя, это был мамин голос. Гневный, жёсткий и полный злости.

— Как это, адрес перепутал!? Как такое может быть?!!

— Видите ли… - отвечающего было едва-едва слышно, - дурацкая ситуация. Нас всего трое с этого города… вернулось. А адресов – двенадцать. - Этот голос казался мне смутно знакомым, но сразу сориентироваться, кому он принадлежит, у меня не вышло.

— А как среди всех адресов оказался наш? — это уже папа. — Да и как вообще можно тут что-то перепутать?

— Понимаете… – голос отвечающего был таким виноватым, что у меня непроизвольно сжалось сердце, - нам… мы… в общем… это больно… разносить такие… вести.

Возникла затянутая пауза. Потом заговорил снова папа.

— Это я могу понять. Но ты не ответил.

— Мы… выпили, в общем. Ну, чтобы… справиться… как бы. Я назвал этот адрес, так как мы должны были тут собраться все вместе. Типо, после… всего. Вот Ильюха и перепутал. Там рядом совсем.

- Понятно. – Папа вздохнул участливо. – Письма, конечно же, не подписаны?

- Да, только имя отправителя. И адрес. От руки.

- Но, почерк! – вдруг встрепенулся папа. – Как она могла почерк не узнать?!

- Да какой там почерк!!! – едва не взвыл знакомый голос. – Мы писали все это быстро, на коленках. Как попало, в общем, лишь бы успеть хоть что-то черкануть…

И тут вступилась мама.

— Да она была на таком взводе, что не то что почерк, того парня едва не приняла за…

Мама, конечно, преувеличивает. Я сразу же поняла, что это не... И тут я, наконец, поняла, кому принадлежит этот так знакомый голос!

Мама ещё что-то говорила — она сидела ко мне спиной, пока я вставала с кровати. Тело не слушалось, голова жутко болела. Слабость и тошнота не давали сосредоточиться, но все это не могло стать для меня преградой на пути… к любимому! Он вернулся! Он пришел!

Я не знаю, сколько мы так смотрели друг на друга, глупо улыбаясь. Может, всего секунду, а может, и целую вечность.

Родители незаметно удалились, оставив нас наедине в палате. Так было правильно.

Я не выдержала и заплакала. И почувствовала, что снова теряю сознание.

Потом были крепкие мужские объятия и тихий взволнованный голос.

— Как же ты меня напугала, родная. — Он поглаживал меня по голове и безумно бормотал. — Что же я без тебя делал бы? А? На кого ты меня собиралась оставить? А если бы родители не догадались, что ты задумала? А если бы скорая приехала чуть позже? А если...

Он все говорил и говорил. Наверное, ругался. Или просто выговаривал весь испытанный им страх. Он понимал, что я не хотела жить без него, но все равно меня ругал за эту глупость. А я плакала. Я просто уткнулась в его грудь и ревела. Но ревела от счастья. Я избавлялась от всего накопленного страха и последних следов усталости.

Я плакала, потому что была сейчас самой счастливой на всём белом свете. Я дождалась, я всё-таки дождалась. И теперь ничто уже не сможет нас разлучить. Потому что я его никуда от себя не отпущу. Теперь он мой и только мой. И теперь я поеду с ним куда угодно. Куда бы ни позвал. Ведь я живу только когда он рядом...

Только когда мы вместе...

Как нельзя кстати.

Уже почти восемь на часах. Начало темнеть, и остановка постепенно перестала походить на очередь за колбасой в далёкие восьмидесятые. Я полез в карман и извлёк уже изрядно опустевшую за время ожидания пачку «Монте-Карло». Медленно, смакуя, затянулся и прикрыл глаза. Вечер не обещал быть утешительным.

Все нормальные люди назначают встречи в красивых и романтичных местах. Например, в парках у фонтана, на аллее рядом с кинотеатром: в общем — в специально для того оборудованных. Ну, или на худой конец — дома. Одному мне почему-то пришло в голову, что встретить девушку на остановке — ничуть не менее элегантно и тактично, чем в парке или в ресторане. А, может, я уже и не видел смысла приглашать её куда-либо? А нехватка финансов, которой я так успешно оправдываю своё поведение, и есть лишь оправдание? Может быть.

Но дело ведь не в месте встречи.

Я мысленно представил себя со стороны. Такой нарочито небрежно одетый парень, с озабоченным чем-то выражением лица и одиноким жёлтым цветком в руках. И улыбнулся.

Раньше это её забавляло. Раньше... что же изменилось?

Гадать, в чём причина, смысла не имело. Слишком разная логика. Но что делать, если дальше всё будет только хуже? Выбор-то, собственно, не такой уж и великий...

Я глянул на время и потянулся к телефону.

Ответа не было — одни лишь долгие противные гудки.

Не слышит? Или не берёт? Какая разница! Она должна была приехать ещё час назад...

Приехала...

Вот так...

И ничего уже не изменишь...

А столько ещё, кажется, остаётся недосказанным, оставленным на потом. Да только где оно, это «потом»?

Маршрутки всё проносились мимо, порой даже останавливаясь. Но среди выходящих так и не показалась та, кого я уже и не надеялся больше увидеть. Постепенно это бессмысленное ожидание начало мне надоедать. Было бы логично сейчас развернуться, всучить какой-нибудь прохожей одинокий цветок и отправиться к друзьям, чтобы напиться с ними до беспамятства. А наутро снова напиться. И снова, и снова... И так, пока не отойдёт. Пока не забуду.

Только идти никуда не хотелось. Хотелось верить, что всё же придёт. Ну, мало ли что могло случиться?

Я потянулся к сотовому, но, опомнившись, вынул ещё одну сигарету. Смех, да и только. Сколько живу на свете, а подобной наивности за собой не замечал. Не придёт — это точно. Но не от того, что не сможет. Просто ей это уже не нужно.

А какого я ещё здесь стою — непонятно! Чего я жду?

Наверное, чего-то жду...

И тут неподалёку от меня кто-то витиевато выругался. Да ещё и так от души... что я даже проникся невольным уважением к сквернослову. А когда повернулся на голос, ещё и симпатией...

Говорила девушка. Она была невысокой, русоволосой и с чертами классической славянской внешности. Не сказать, что очень уж такая красивая, но чем-то притягивала взгляд. Стройненькая, без излишней худобы или полноватости, фигурка... в общем, с виду очень даже ничего.

Девушка с остервенением набирала какие-то номера, давала вызов и, сбрасывая, вновь повторяла свои попытки. Я подумал, что и сам где-то с полчаса назад очень сильно напоминал эту девушку, пытаясь дозвониться до Своей... собрат по несчастью?

Скорее — со-сестра.

И тут на меня накатила волна необычайного подъёма. Я действовал словно по наитию. Достал сотовый и включил Bluetooth-соединение на поиск парных устройств. Я толком не понимал, что делаю, но был полностью уверен, что делаю то, что надо.

Вскоре на экране телефона высветились четыре активных устройства. Из них только два были переименованы. И оба принадлежали девушкам. Ленчик и Жанна. Их я и оставил. Остальные сразу же удалил. Понятия не имею, откуда у меня такая уверенность в том, что делаю. Но я ни на секунду не сомневался в своих действиях. Дальше, выбрав одно из оставшихся имён наугад, я послал запрос к сопряжению. А краем глаза посматривал на незнакомку. Она всё ещё копалась в телефоне, но теперь уже, похоже, совершенно не соображая, что хочет сделать.

Секунды шли, эффекта не было. Я достал сигарету и снова закурил, попутно отметив, что стал слишком уж этим злоупотреблять. Вскоре мой запрос был принят. Кто-то откликнулся, но этот кто-то меня совсем не интересовал. Это была не она. Мысленно извинившись, я нажал кнопку отказа и послал запрос на последнее оставшееся устройство.

Всё-таки хорошее дело эти сотовые телефоны. Если бы их не было, я бы не стоял сейчас и не наблюдал, как на лице озадаченной и хмурой девушки медленно распрямляются морщины и выплывает удивление. Наверное, я был прав. Чтобы отвлечь человека в её состоянии от чудовищной круговерти жутких и неприятных мыслей, требовалось нечто необычное. Что-то, что действительно сможет привлечь её внимание. Как, например, внезапно оживший в твоих руках сотовый телефон. И просто звонка тут было бы мало. Да и номера я её не знаю.

Девушка озадаченно смотрела на телефон, а не на окружающих. Эффект превзошёл все ожидания. Я поспешно отвел взгляд. Даже слишком поспешно. И, похоже, попался. Не спеша затянулся, чувствуя на себе пытливый взгляд, и с загадочным выражением лица посмотрел ей прямо в глаза.

Какое-то время мы просто играли в гляделки. Она была слегка растерянна и не понимала, как реагировать на столь неожиданное внимание. А я ждал. Я предложил правила игры, и только от девушки теперь зависело, будут ли они приняты. Я ждал. Необычайный азарт и волнение будоражили кровь. В такие моменты ты словно открываешь для себя новый мир. Мир необычный и манящий своей неизвестностью. Мир, пробуждающий в тебе интерес. И не только в тебе — в вас обоих. Это миг, когда двоих незнакомых друг с другом людей внезапно сближает что-то новое, неизвестное им обоим.

И в какой-то момент она всё-таки решилась. Потому что сейчас, именно сейчас, ей, как и мне, это было просто необходимо. Дальше, как говорится, дело техники.

Я отправил ей свой номер и стал ждать.

Конечно, было бы намного проще подойти и просто заговорить. Но мне словно кто-то неустанно шептал на ухо: «Не суетись. Ты делаешь всё правильно. Продолжай в том же духе». И, глядя на эту такую одинокую и, казалось, ещё недавно такую несчастную девушку, я начал осознавать, что она мне за каких-то несколько минут стала намного ближе, чем та, что так сегодня и не приехала на встречу. И уже не приедет никогда.

Телефон в моей руке радостно завибрировал.

«Новое SMS-сообщение!»

Я нажал кнопку чтения, и на экране тут же высветились слова:

— Не приехала?

Странно, но такой проницательности я от неё никак не ожидал.

— Нет, а как поняла?

— Женская интуиция...

Лукавая улыбка и лёгкое пожатие плечами.

— А серьёзно?

— Ты с цветком, значит, ждёшь девушку. А, судя по количеству выкуренных за последние несколько минут сигарет, она вряд ли приедет... вот.

Я озадаченно нахмурился и написал:

— Твой, как видно, тоже?

Она опустила глаза. Попал! В яблочко! В наливное!

— Да... как видно.

Я попытался изобразить сочувствующее выражение на лице. Хотелось написать что-то приятное, как-то успокоить, утешить. Но я ничего не делал. То, что до сей поры сидело во мне и так беспардонно направляло в нужном ему направлении, молчало. Вернее — не молчало, а напротив, нарочно заставляло бездействовать. И я ждал.

Тут мой телефон снова ожил.

— Как давно это у вас?

Под «это», я так понял, стоило подразумевать разлад отношений.

— Недели две, как...

— Понятно. У нас больше.

Что тут говорить? Две недели — это уже невыносимо. А если больше... И ведь надеется, ждёт. Хорошая девушка, верная. Умеет любить. А это качество дано на сегодняшний день очень не многим.

«Новое SMS-сообщение!»

— А она красивая?

Я усмехнулся.

— Своя некрасивой не бывает, если любишь...

— Это да.

Наверное, то, что творилось сейчас в наших душах, можно было назвать немыми слезами. Беззвучным невидимым горем. Мы просто смотрели друг на друга и молчали. Разговаривали мысли. А они-то как раз и были красноречивее самых правильных и громких слов. Потому что они объединяли нас. Двух совершенно разных и не знакомых друг другу людей. Потому что они — это всё самое дорогое, что у нас осталось от того, что люди привыкли называть самым большим и светлым чувством. От любви.

— Как же теперь?

Ох, если бы я знал...

Наверное, именно этот вопрос и не давал мне смириться с происходящим, заставляя оживлять бесплодные надежды и верить в то, чего уже нет. И чего уже никогда не будет.

— Да так же, как и раньше. Только теперь сами по себе...

Сами по себе...

А верю ли я в то, что говорю? Должен поверить. Не только со мной такое случается — и никто ведь не умер? Ну, случаи, конечно, бывают. Но из-за такого... Ничего ведь по сути не изменилось. Раньше ведь как-то жил? И теперь проживу...

Хочется верить.

Я целиком погрузился в собственные мысли. А мир вокруг жил своей жизнью. Прохожие мельтешили перед глазами, спеша по каким-то только им ведомым делам, прогуливаясь, о чём-то переговариваясь, и не было им никакого дела до одиноких парня и девушки, возле судьбы встретившихся здесь в момент отчаяния. Таких одинаковых и разных одновременно. Так уж получилось, что мне сейчас не хотелось думать ни о чём, кроме своей уходящей любви. И о той симпатичной девчонке, что стоит со мной на одной остановке и думает о том же, о чём и я.

Мы молчали. Переписка закончилась.

Она не знала, что написать. Я тоже. Хотя сказать можно было ещё очень многое. Но сейчас, именно сейчас, это будет лишним.

Вдруг я как наяву увидел, что будет дальше.

Точно так мы постоим ещё минут двадцать. Потом, не проронив ни звука, она повернётся и уйдёт. Может быть, махнёт на прощание рукой. Уйдёт и постарается последовать моему совету. А я так и останусь стоять на этой всеми забытой остановке. В гордом одиночестве.

Ну нет! Я уже не хочу, чтобы ты уходила. Потому что сейчас для меня нет человека ближе, чем, смешно сказать — человек, с которым я знаком... вернее, совсем ещё даже и не знаком. И всё же...

Я просто ждал.

Чего, спрашивается? Непонятно. Может быть — знака свыше? Может — её звонка и приглашения? А может — волшебного пинка под соответствующее место...

И всё-таки ждал. Ждала и она. Молча и терпеливо.

Вскоре это ожидание начало меня раздражать, и я решил закурить. Она тоже стрельнула у какого-то прохожего сигарету. Вредные привычки порой помогают оттянуть время. И это хорошо. Вскоре окончательно стемнело, и остановка практически совсем обезлюдела. Меня это вполне устраивало. Нас устраивало. Я никак не мог оторвать взгляд от этих необыкновенных глаз. Таких глубоких и таких, казалось, близких. В её глазах была печаль. Печаль, интерес и некое ожидание.

Господи! Да чего же я жду? Чего время-то тяну?

Это напоминало игру, в которой никто не знает, что ему делать. А понять это — и есть цель самой игры...

Постепенно я начинал терять над собой контроль. Всё время казалось, что ещё немного, и она не выдержит. И уйдёт. Вот прямо сейчас. В последний раз заглянет мне в глаза, обречённо пожмёт плечами и отвернётся. Уже навсегда.

И чего я, спрашивается...

Жду...

Ждал...

Вот он, долгожданный знак!

Просто дождь. Самый обычный. Ничем не примечательный. Но только в тот миг, когда холодные капли едва коснулись моего лица, появилось ощущение оправданности долгого и, казалось, бессмысленного ожидания. Я получил столь желанный волшебный «пендель». А всё остальное вдруг стало абсолютно неважным.

Осторожное приближение...

Робкое прикосновение...

Неуверенный кивок в ответ. И стремительно летящие часы немого взаимодействия двух ещё недавно совершенно незнакомых друг другу людей.

Анжела Витальевна отложила толстенький томик «Мёртвых душ» и, тяжело вздохнув, прошествовала на кухню. На столе уже изрядно остывший ужин. На часах — четверть одиннадцатого. А на сердце, как у любой уважающей себя жены, бессонное беспокойство. Муж опять задерживается. Это с его работой — дело обычное. Но привыкнуть...

Привыкнуть она не может.

Без мужа и сына квартира по вечерам кажется пустой и безлюдной. Раньше было легче. Тогда Максим ещё жил вместе с родителями. Он спокойно учился в своём сельскохозяйственном институте, встречался с какой-то девицей. Был тихим, даже в чём-то ребёнком. Но потом что-то случилось. Максим ушёл из дому, перебравшись в какую-то гостинку. Стал сам по себе. Не брал у них денег, зарабатывая самостоятельно. Не звонил, в гости не заходил. В общем, совсем пропал. Объяснений столь странному поведению не последовало. Лишь отец предпо-

ложил, что у него проблемы с девушкой. Логичной связи Анжела Витальевна в этом не видела, но, зная о прекрасном взаимопонимании отца с сыном, приняла его версию. Правда, легче от этого не стало. Множество раз она порывалась отправиться в институт, чтобы хотя бы поговорить с сыном. Но муж всегда её останавливал. Говорил, что сейчас не стоит этого делать и когда придёт время, он сам всё расскажет. Когда именно придёт это время, они не знали, но всё же предоставили сыну самому это решать.

Время шло. Жизнь шла своим чередом.

Через полгода Анжела Витальевна стала привыкать к подобному образу жизни, но где-то глубоко в своём материнском сердце была до сих пор не согласна со всем происходящим.

Этот вечер мало чем отличался от всех предыдущих. Однако работающий телевизор, слабый свет настольной лампы и пустота. Лишь некое ожидание. Анжела Витальевна прислушалась, не доносятся ли из-за двери чьи-нибудь неторопливые шаги, когда мёртвую тишину пустой квартиры внезапно оживил противный треск дверного звонка.

Женщина тут же поспешила открывать.

Что-то странное было в его звучании. Необычное. Тревожное...

Хотя нет. Не тревожное. Скорее — взволнованное. Едва ли не радостное.

Анжела Витальевна провернула ручку замка, пытаясь успокоить участившееся дыхание, и открыла дверь.

На пороге стоял растерянный и непонятно чему улыбающийся муж. Таким она его уже давно не видела. И ещё — он пришёл не один.

Анжела Витальевна уже собиралась поинтересоваться, что так сильно обескуражило этого всегда спокойного и хорошо умеющего скрывать свои эмоции человека, когда её взгляд мимолётно скользнул по двум стоявшим за его спиной людям...

Сердце забилось с небывалой силой.

Прямо за ним стоял, радостно улыбаясь, Максим. Причём не один. Рядом, неуверенно держась за твёрдую мужскую руку, смущённо перетаптывалась на месте молодая девица, русоволосая, явно славянской внешности.

Максим крепче сжал её руку, и женщина увидела на его руке одинокое золотое кольцо. Точно такое же кольцо было и на пальце незнакомой девушки. Сын вернулся. И вернулся не один — с невестой.

Уже не ждут.

Андрей опустился на лавочку и закурил. Легче не становилось. На улице вовсю светило солнце, было тепло. Они с Никитой часто представляли, как пройдёт время, снега растают, холодные метели сменятся тёплыми весенними ветрами, на заре выглянет пурпурно-жёлтое солнце и жизнь станет по-прежнему ровной и спокойной. Так и случилось. Отчасти. Ведь мечты, они, как ни крути, а всё же сбываются. Правда, никто не уточняет, что сбываются с маленькими оговорками. Такими мелкими и на первый взгляд даже и незаметными. Вот почему всегда так происходит? Сегодня ты хочешь чего-то, ждёшь этого с нетерпением, стремишься достичь. А когда наконец достигаешь, начинаешь понимать, что не всё стало таким, как хотелось. Хоть что-то, но всё равно пойдёт не так. И ведь радость-то есть. Она никуда не девается, что интересно. Только становится какой-то ненастоящей. Не живой, что ли? И всё оттого, что цена, которой досталась эта маленькая победа, уже не сравнима с самой победой. А гораздо — гораздо больше! Потому порой ты ловишь себя на мысли, что уж лучше бы и не стоять сейчас на этом проклятом пьедестале, а быть там, где и положено — среди проигравших. Да только кто решает, кому достанется победа, а кому — нет. Самое страшное, что не мы. И не от нас, увы, зависит, кому достанется это постыдное первенство.

Рядом проносились легковые автомобили, дети на велосипедах, старушки с авоськами. И никому не было дела до грязного, потёртого жизнью солдата, сидящего скромно на одинокой лавочке в самом тёмном углу двора в тени большого старого дуба. Андрей проделал уже такой длинный путь, чтобы добраться сюда, что оставшаяся его часть казалась лишь жалкой насмешкой, а не препятствием. И всё же она им была. Девять суток он провёл в дороге, но ни на минуту не переставал думать о том, что скажет, когда наконец придёт на место. Только так и не придумал. На свете просто не существовало таких слов, правильных слов, чтобы объяснить произошедшее. И не будет никогда существовать. Потому что подобное невозможно объяснить. Андрей закрыл глаза...

Перед ним лежали снега. Белоснежные бескрайние просторы. Здесь больше не было ничего. Только снег и горы. И жизнь. Не та жизнь, что проносится перед нами бесконечным потоком бессмысленной и ненужной суеты, а настоящая живая жизнь. Жизнь, которая чувствуется в каждом вдохе, каждом сказанном слове, каждой промелькнувшей улыбке. Жизнь, про которую никогда не забываешь. Она всегда с тобой. Она во всём, что тебя окружает. И в земле, по которой ты ходишь, и в воздухе, которым ты дышишь, и даже в пище, которую ешь. Андрей смотрел на эти сверкающие в солнечном свете белоснежные ковры и улыбался. Этот день мог стать днём окончания войны. Уж, по крайней мере, для него с Никитой. И он должен был им стать. Но не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.